

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КАМНЕ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVI В. И ГОРОДСКОЕ КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО⁴¹

Игорь Данилевский

Анотация: Върху конкретен материал се разглеждат принципи на коректен съпоставителен анализ на ретроспективна информация, която се съхранява в писмени и материални източници, с цел реконструкция на държавната идеология на Московското царство през втората четвърт на XVI в.

Ключови думи: исторически източници, ретроспективна информация, държавна идеология.

Древнерусские письменные источники вплоть до конца XVI в. чрезвычайно редко доносят до нас информацию о том, что представляла собой логически последовательная система взглядов, которая легитимировала существующий государственный строй, руководила оценочными суждениями людей того времени и являлась инструкцией к действиям правителей и подданных, – того, что с определенной степенью модернизации можно назвать государственной идеологией того времени. Поэтому обычно исследователи ограничиваются глухой ссылкой на религиозное мировоззрение, которое, вне всякого сомнения, действительно было основой любой системы идей древней Руси⁴². Этого, однако, далеко не всегда бывает достаточно, чтобы понять логику поступков древнерусских «политиков» и того, как воспринимали эти действия те, кто становился объектом подобного воздействия. Уловить эту логику удастся далеко не всегда. Причина кроется, прежде всего, в том, что письменные источники нигде прямо об этом не говорят, а если и «проговариваются» (по выражению В. О. Ключевского), то мы этого не замечаем.

Как уловить эти проговорки и как их понять?

Одним из возможных путей решения этой проблемы является интеграция ретроспективной информации, сохранившейся в письменных и вещественных источниках. Правда, вещественные источники «немые». Информация о прошлом, которую они донесли до нас, нуждается в «переводе» на вербальный язык, а это – довольно сложная проблема. Слишком часто подобная перекодировка основывается на так называемом здравом смысле. При этом, по умолчанию, считается, что он всегда был и остается одним и тем же. Между тем, это не так. Психологические механизмы мышления человека и его поведение, как говорил выдающийся советский психолог Л. С. Выготский, представляют собой исторически

⁴¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

⁴² Ср., напр.: «Чтобы стать летописцами, они [зачинатели русского летописания] должны прежде всего быть теологами и историософами» (Сендерович 2000: 477–478).

изменчивую величину (Выготский Лурия 1993: 70). «Здравый смысл» современного человека далеко не всегда, или, точнее, почти никогда не совпадает с тем, что было «здравым» для человека XI или, скажем, XVI в. Даже «здравые смыслы» наших современников зачастую не совпадают друг с другом, что сплошь и рядом становится причиной конфликтных ситуаций. Иллюзия понимания собеседника подчас является источником ложных представлений о мотивах его поведения и целях, которые он преследует. С увеличением временной и культурной дистанций опасность возникновения таких иллюзий возрастает едва ли не в геометрической прогрессии. Поскольку речь идет о научном познании – и понимании, – интуиция в этих случаях может играть лишь вспомогательную роль.

Результаты такой интеграции, выводы, основанные на ней, должны быть принципиально верифицируемыми. Исследователь прошлого обязан постоянно отказываться от того, что Х.-Г. Гадамер называл «неосознанностью собственного словоупотребления», ясно определять «различие между привычным нам словоупотреблением и словоупотреблением текста»: «Обращаясь к любому тексту, мы признаем своей задачей не пользоваться просто и без проверки собственным словоупотреблением либо, в случае иноязычного текста, словоупотреблением, знакомым нам из книг или из повседневного обращения, но добиваться его понимания, исходя из словоупотребления эпохи и (или) автора» (Гадамер 1988: 319). Вопрос лишь в том, возможно ли в принципе верно понять это самое «словоупотребление автора», и если да, как этого добиться? Как корректно воспроизвести открытые смысловые ряды прошлого на актуальный язык нашей культуры? И, наконец, как проверить полученные результаты? Ведь без проверки нашего понимания культурно-исторического языка эпохи оно не имеет собственно научного значения.

Преодолеть культурно-историческую дистанцию возможно лишь в том случае, если нам удастся найти семантически «открытые» вербальные тексты, которые в явном виде раскрывают смыслы, скрытые в текстах – как вербальных, так и в материальных (скажем, в памятниках каменного зодчества и их украшениях). От точности найденных связей будет непосредственно зависеть результат сопоставлений и, соответственно, качество реконструкций идей, которые были заложены в основу тех или иных носителей ретроспективной информации их создателями. Интуитивные озарения, конечно, могут тут помочь – и порой помогают, но могут и вводить в заблуждение. Но, самое главное, их недостаточно для того, чтобы говорить о научных реконструкциях идей прошлого как таковых.

Ярким примером подобного рода недоразумений являются попытки исследователей понять политику, известную под названием «опричнина», проводившаяся царем и великим князем всея Руси Иваном IV (1533 – 1584), прозванного Грозным. Причины

ее введения в 1565 г. и отказа от нее в 1572 г. (вплоть до запрета упоминания самого слова «опричнина»), смысл проводившихся в эти годы мероприятий до сих пор являются предметом оживленных дискуссий среди специалистов⁴³. По словам великого русского историка В. О. Ключевского, «учреждение это всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал» (Ключевский 1902: 331). Проблема, однако, заключается в том, что тот, кто инициировал это «учреждение» и проводил связанные с ним мероприятия, скорее всего, вовсе не считал его странным. Напротив, для Ивана IV во всем этом, несомненно, была своя достаточно жесткая логика. Ей и подчинялись все его действия.

Кратко напомним, о чем идет речь.

В 1565 г. Иван Грозный разделил Московское царство на две большие части: западные земли он выделил в опричнину (так традиционно называли земли, которые выделялись в полное распоряжение вдове великого князя после смерти мужа и в которых не действовали общепринятые законы), а остальные земли – в земщину. Так же он поступил со столицей: часть Москвы к западу от нынешней Никитской улицы считалась опричной, а восточная – земской. В опричных землях Иван правил сам, а в земских – земские бояре (Боярская дума), которых возглавляли князя И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский. Если царь в своих действиях руководствовался исключительно своей волей (то есть здесь царил полный произвол), то в земщине все дела должны были решаться только по существующим законам. Наиболее важные дела, а также все внешнеполитические вопросы рассматривались совместно, хотя окончательное решение оставалось за государем.

На опричных территориях начались массовые казни, жестокость которых превосходила самую извращенную фантазию, и массовые переселения прежних землевладельцев в земщину: освободившиеся владения передавались опричникам – людям, составившим своеобразную гвардию царя и беспрекословно исполнявшим все его приказы. Убийства, грабежи и насилие в опричных землях стали повседневностью. При этом опричное войско представляло собой нечто вроде монашеского ордена, во главе которого был «игумен» – сам Иван Грозный. Ежедневные молитвы и богослужения занимали у опричников до 9 часов.

В 1572 г. опричнина внезапно была прекращена, а само ее название запрещено было упоминать. Формальным поводом для этого стал набег на Москву

⁴³ Ср.: «Мы никогда до конца не узнаем, в какой хронологический момент и почему царь решил начать опричнину» (Юрганов 1997: 64); «Мы никогда до конца не узнаем, в какой момент (хронологически) и почему царь решил начать опричнину» (Юрганов 1998: 380); «Мы никогда до конца не узнаем, в какой момент и почему царь решил ввести опричнину» (Юрганов 2003: 87). В дальнейшем, чтобы не перегружать текст повторяющимися цитатами, будем ссылаться только на последнюю публикацию этой статьи, поскольку содержание ее, как мог убедиться читатель, принципиально не изменялось.

крымского хана Девлет-Гирея, во время которого город был сожжен (хотя Китай-город и Кремль не были захвачены).

О смысле опричной «политике» споры ведутся уже не одно столетие. Одни историки считали, что царь таким образом боролся против «реакционного» боярства, опираясь на «прогрессивное» дворянство, другие полагали, что речь шла о борьбе с удельными порядками, третьи – что царь стремился избавиться от своих политических соперников (прежде всего, удельных князей и наиболее влиятельных бояр), четвертые – что тем самым Иван старался укрепить свою абсолютную власть... Однако ни одна из этих точек зрения не охватывала все, что известно нам об опричнине. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что в опричное войско входили не только дворяне, но и бояре (в том числе, и наиболее родовитые), а репрессиям подвергались не только бояре (вместе с семьями, включая малолетних детей), но и их слуги, среди которых было немало дворян; к тому же многие опричники, в том числе и те, кто играл в войске царя едва ли не ведущие роли, также были казнены; после смерти Ивана уделов оказалось больше, чем во время его прихода к власти; личная власть царя не была ничем ограничена и без опричных казней... (подробнее см.: Каштанов 1963: 116–117; Зимин 1964; Скрынников 1965: 153; Скрынников 1969: 192; Кобрин 1985, и мн. др.).

Серьезный шаг к пониманию того, что же на самом деле стояло за одним из самых кровавых процессов в истории древней Руси, сделал А. Л. Юрганов. Он обратил внимание на описание Опричного дворца, оставленного одним из очевидцев событий того времени, немцем-опричником Генрихом Штаденом (1542 – 1579?):

«Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх – из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц.; [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие – на юг, третьи – на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом... На этом дворе были выстроены три мощных постройки и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине. От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла. Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хоромами был погреб, полный больших кругов воску. Такова была особная

площадь великого князя. В виду сырости она была засыпана белым песком... Южные ворота [– калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать. Здесь были выстроены все приказы и ставились на правеж должники, которых били батогами или плетью... Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. ... Снаружи слуги князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора. Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней. Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная. На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами... были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы... Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, – несоленый. Здесь были две лестницы [крыльца]; по ним можно было подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой... Другая лестница [– крыльцо] была по правую руку от восточных ворот. Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князя и бояре» (Штаден 1925: 108–110).

Юрганов обратил внимание на то, что ряд деталей этого описания (квадратная форма дворца; трое ворот, выходивших на север, юг и восток, отсутствие западных ворот; то, что через восточные мог въезжать только великий князь и т.п.) соответствует описанию Града Божьего (Юрганов 2003: 90) в видении пророка Иезекииля (Иез 40-42). Однако при этом из поля зрения выпал целый ряд чрезвычайно важных моментов, а некоторые из них получили весьма произвольную интерпретацию.

Прежде всего, Град Божий, явленный Иезекиилю, считался и считается прообразом Третьего Храма Иерусалимского, который, по преданию, будет построен либо самим царем-помазанником (что станет свидетельством, что он – Мессия), либо непосредственно перед приходом Мессии. Об этом, в частности, писал Маймонид, некоторые сочинения которого были пересказаны на Руси в XVI в. Правда, согласно христианской традиции, в Третьем Храме должен был воцариться лжемессия, антихрист. Тем не менее, это должно было служить одним из важнейших признаков скорого (через 3,5 года) Второго Пришествия Спасителя.

В связи с этим строительство Опричного дворца царем-помазанником (венчание на царство Ивана Грозного произошло 16 января 1547 г.⁴⁴) вполне могло рассматриваться в свете подобных представлений.

Следовало бы тщательнее проанализировать и размеры Опричного дворца, указанные Штаденем. Как мы помним, он упомянул, что стены дворца протянулись «приблизительно на 130 сажень в длину и на столько же в ширину». Судя по всему, Юрганов так и не смог согласовать очевидное, казалось бы, расхождение этих размеров с упоминанием протяженности стен Храма, который описывает Иезекииль (Иез 42 16–20): по 500 локтей в длину и в ширину⁴⁵. Выход из видевшегося ему противоречия историк предложил довольно своеобразный: «Г. Штаден обратил внимание на то, что царя во дворце охраняли 500 стрелков: они несли “все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел”. В послании Таубе и Крузе сообщается: “Он, великий князь, образовал из них (опричников. – *А.Ю.*) над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою

⁴⁴ Впрочем, несмотря на то, что чин помазания на царство был составлен еще при Иване IV (скорее всего, в середине 1550-х гг.) венчание на царство самого Ивана помазанием еще не сопровождалось (см.: Успенский 1998: 109–113). Тем не менее, современники считали его царем-помазанником. Так, в Степенной книге Иван IV титулуется «святопомазанным царем» (СК: 345), а А. М. Курбский упоминает «сан помазания царского» и называет Ивана «помазанцем Божиим» (Курбский 1914: 239, 261).

⁴⁵ В Острожской Библии этот текст выглядит так: «И размѣри сказаніе храму окрестъ съ заповѣдію. И ста на югъ вратъ, зрящихъ на востокъ, и размѣри пять сот тростію мѣрною. И обратися на сѣверъ, и размѣри на лице сѣвера, лакоть пять сотъ тростію мѣрною. И обратися къ морю, и размѣри на лице моря, пять сотъ тростію мѣрною. И обратися на югъ, и размѣри противу югу, 5 сот тростію мѣрною: на четыре страны тоюжь тростію. И заповѣда ѿ ограду окрестъ ему: пятію сотъ лактъ долготу, пяти сотъ же лактъ широту» (ОБ: 126). Практически те же размеры приводятся и в Елизаветинской Библии 1751 г., которую цитирует Юрганов («Ввиду того, что в Острожской Библии 1581 г. нет разбивки текста на стихи, цитаты даются по Елизаветинской Библии. Разночтения в этих двух изданиях несущественны в рамках нашей темы» (Юрганов 2003: 109, прим. 22): «серьезный» аргумент «серьезного» исследователя), также читаем: «Четыри страны тоюжде тростию: и расположи его, и орграду окрестъ ему, пять сотъ лактей [долготу] на востокъ, и пять сотъ лактей широту» (ЕБ: 1087); ср. Иез 45 2: «И да будутъ от того на святое пять сотъ, по пяти сотъ четверуголно окрестъ» (ЕБ: 1091).

особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей... Все братья... должны носить длинные черные монастырские посохи с острыми наконечниками”. В двух независимых источниках, таким образом, называется одна и та же цифра... В опричном монастыре и в Опричном дворце было не только 500 братьев, но и 500 посохов-тростей. Едва ли такая деталь случайна, хотя обнаруженная связь, по всей видимости, сугубо символическая». Таким образом, исследователь «превратил» монастырские посохи опричников в мерные трости, которыми проводил некий муж измерения для Иезекииля⁴⁶.

Действительно, в Синодальном переводе Библии размеры Храма Господня даются не в локтях, а в мерных тростях⁴⁷. Однако в тексте, бытовавшем во времена Ивана Грозного (ОБ: 144 об.), размеры Храма приводятся именно в локтях, хотя упоминается и мерная трость: «И в руцѣ мужу мѣра тростяна шести лактъ и пяди» (Иез 40 5). Штаден же дает размеры стен Опричного дворца в саженьях. На эту деталь Юрганов внимания не обратил. Между тем, локти (точнее, локоть с пядью), которыми измеряется Храм, равняются для древнерусского читателя приблизительно 57 см: 38 см (локоть) + 19 см (пядь). Следовательно, 500 локтей составляют около 285 м (57 x 500). Сажень же, которой измеряет («приблизительно»!) стены Опричного дворца Штаден, равняется 216 см (так называемая новая сажень, использовавшаяся в XVI в.). 130 таких саженей составляют чуть больше 280 Москва. Во всяком случае, в древнерусских саженьях содержалось по 4 локтя, т.е. 500 локтей приблизительно соответствует для древнерусского человека 130 саженьям ($500 : 4 = 125$).

Так что, размеры дворца, построенного по приказанию Ивана Грозного, практически точно соответствуют представлениям читателя XVI в. о размерах Храма, описываемого Иезекиилем.

Произвольно были истолкованы Юргановым также изображения льва и двуглавого орла, украшавшие Опричный дворец. С одной стороны, исследователь вполне справедливо отмечает: «чтобы объяснить значения льва и двуглавого орла в системе уже показанных нами символов Опричного дворца, следует обратиться к религиозной основе

⁴⁶ «И в руке того мужа трость измерения в шесть локтей, считая каждый локоть в локоть с ладонью», — читаем мы в Синодальном переводе (Иез 40 5).

⁴⁷ «Когда кончил он измерения внутреннего храма, то вывел меня воротами, обращенными лицом к востоку, и стал измерять его кругом. Он измерил восточную сторону тростью измерения и *намерил* тростью измерения всего пятьсот тростей; в северной стороне той же тростью измерения *намерил* всего пятьсот тростей; в южной стороне *намерил* тростью измерения также пятьсот тростей. Поворотив к западной стороне, *намерил* тростью измерения пятьсот тростей. Со всех четырех сторон он измерил его; кругом него была стена длиною в пятьсот *тростей* и в пятьсот *тростей* шириною, чтобы отделить святое место от несвятого» (Иез 42 15–20).

этих образов». С другой, – тексты, которые рассматриваются им в качестве такой основы, вызывают, по меньшей мере, сомнения.

«В Откровении Иоанна Богослова читаем: “И посреде престола и окрест престола (Божия. – *А. Ю.*) четыре животна исполнена очесь спреди и созади” (Откр 4 6). Этими животными были лев, телец, человек (“третье животное имущее лице яко человек”) и орел. Зеркала в глазницах льва, смотрящих вовнутрь дворца и в сторону земщины, как бы подчеркивали, что первое апокалиптическое животное “исполнено очесь”. Первую печать “книги жизни” снял именно лев. Снятие второй печати тельцом символизировало, согласно толкованию Андрея Кесарийского, “священные жертвы святых мучеников”; третьим животным, снявшим печать, был человек... Любопытнее всего, как определяется в Откровении четвертое животное, снимающее печать: “И четвертое животное подобно орлу летящу” (Откр 4 7)... В лицевых апокалипсисах XVI в. орел изображался с распростертыми крыльями. Именно вслед за открытием четвертой печати появляется новая фигура, что само по себе симптоматично, если иметь в виду царский замысел: “И видех, и се, конь блед, и сидящий на нем, имя ему смерть: и ад идяше в след его; и дана бысть ему область на четвертой части земли” (Откр 6 8). Итак, двуглавый черный орел с “распростертыми крыльями” (т. е. летящий), обращенный в сторону земщины, имеет помимо геральдической символику апокалиптическую: это образ адского наказания, которое настигнет неизбежно в последние времена» (Юрганов 2003: 93–94).

И далее: «В “Беседе трех святителей”... Соломон спросил: “Что суть 4 рози (образа. – *А. Ю.*) на земли? – Иоанн рече: «Четыре евангелисты, на востоце Матфей, человеческим; на западе Марко, телчим; на севере Иоанн, орлим; на юзе Лука, лвовым образми, вси бо крылата»”. Подобные представления были традиционными, а потому можно предполагать их осуществление в Опричном дворце Ивана Грозного. Восточная сторона – “человеческая”; западная олицетворяла собой тельца и Второе пришествие Христово; северная – связана с образом орла. Южная сторона не случайно представлена образом льва. Кроме того, орлы на всех трех башнях дворца были также связаны с символическим значением имени Иоанна Богослова» (Юрганов 2003: 94).

Юганова не смущает целый ряд принципиальных несоответствий вербальных текстов, которые он использует для объяснения символических фигур, с описанием Штадена. Прежде всего, Штаден упоминает не четыре, а лишь два изображения животных. Кроме того, все животные (в том числе, *напоминающее* льва), согласно библейскому тексту, на который опирается Юрганов, должны иметь по шесть крыльев «вокруг», а «внутри» «исполнены очей *спреди и сзади*» (Откр 4 6–8). Но ни одного из этих признаков Штаден не упоминает. Наконец, четвертое животное, о котором идет речь в

Апокалипсисе, мало похоже на *двуглавого* орла, это даже не вполне орел (оно лишь «*подобно* орлу»). Единственно, что роднит его с орлами Опричного дворца – распростертые крылья. Хотя этот – существенный, по мнению Юрганова, – признак вовсе не свидетельствует о том, что Штаден пишет о *летающих* двуглавых созданиях. О двух же головах орлов, украшающих Опричный дворец, Юрганов предпочитает не вспоминать, видимо считая эту «мелочь» – по сравнению с распростертыми крыльями – несущественной.

Гораздо более плодотворным представляются в данном случае поиски библейского текста, в котором бы упоминались только два животных: лев и двуглавый орел.

Такой текст достаточно хорошо известен. Речь идет о библейской 3-й книге Ездры. В 11–12 главах ее повествуется о видении *трехглавого* орла, который был побежден львом. Смысл видения Ездры объясняется так: «орел, которого ты видел восходящим от моря, есть царство, показанное в видении Даниилу, брату твоему⁴⁸... А что ты видел три головы покоящиеся, это означает, что в последние дни царства Всевышний воздвигнет три царства и покорит им многие другие, и они будут владычествовать над землею и обитателями ее с большим утеснением, нежели все прежде бывшие; поэтому они и названы головами орла, ибо они-то довершат беззакония его и положат конец ему... Лев, которого ты видел поднявшимся из леса и рыкающим, говорящим к орлу и обличающим его в неправдах его всеми словами его, которые ты слышал, это – Помазанник, сохраненный Всевышним к концу против них и нечестий их, который обличит их и представит пред ними притеснения их. Он поставит их на суд живых и, обличив их, накажет их» (3 Езд 12 10–33).

Образ трехглавого орла тесно связан с «теорией» последнего третьего царства и вполне отчетливо ориентирован на эсхатологические ожидания, приобретшие особую остроту во второй половине XV – XVI в. Этот символ прослужил основой для многочисленных толкований (подчас прямо противоположных) в русской богословской среде конца XV – XVII в. (см.: Опарина 1990: 143–149). Тем не менее, текст 3 книги Ездры не принято использовать для интерпретации образа двуглавого орла. Причиной этого, видимо, стали три фактора.

Во-первых, считается, что ни греческий (Freidhof 1972: 42), ни славянский (Алексеев 1999: 28) тексты 3 книги Ездры не были известны на Руси до 1499 г. Только при подготовке Геннадиевской Библии она была переведена с латинской Вульгаты. Это, в частности, подтверждается тем, что в Изборнике 1073 г. в индексах рекомендованных и запрещенных для чтения религиозных книг (Изб 1073: 203–204, 252–253, 253–254), упоминание 3-й книги Ездры отсутствует.

⁴⁸ Ср.: «Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу» (Дан 2 45).

Во-вторых, смущает различие числа голов у «опричного» орла и орла Ездры. Так, говоря об отождествлении некоторыми новгородцами и псковичами – членами геннадиевского кружка – двуглавого орла, ставшего гербом Московского царства, и Антихриста (с опорой на 3-ю книгу Ездры), Т. А. Опарина замечает: «Не ясно, видели ли авторы подобных концепций несогласование между двуглавым орлом герба и треглавым III книги Ездры. Возможно, им было важно лишь то, что орел на гербе был многоглавым» (Опарина 1990: 145).

Наконец, в-третьих, по мнению Д. Стремоухова, которое разделяют многие исследователи, первоначально восприятие двуглавого орла (как, кстати, и отождествление Москвы с Третьим Римом) носило антимосковскую окраску (см.: Streмоухов 1953: 89–96).

Несмотря на всю резонность этих соображений, представляется, что определенные основания для связи изображения двуглавого орла именно с текстом 3-й книги Ездры все-таки имеются.

Прежде всего, следует учитывать, что многоглавые орлы встречаются и в относительно ранних письменных источниках, появившихся на территориях, поддерживавших контакты с католической Европой, где знакомство с 3-й книгой Ездры могло состояться значительно раньше. Так, при описании строительства, которое велось в Холме Даниилом Галицким в самом конце 50-х годов XIII в., летописец рассказывает, что на расстоянии поприща от города был поставлен «столп... камен, а на немь орел камен изваян... с головами» (ИЛ: 845). При анализе этого сообщения Ю. А. Артамонов обратил внимание на любопытную деталь: летописец, говоря о головах орла, употребил множественное число («головами») (Артамонов 1996: 22). Упоминание нескольких голов у холмского орла вполне может быть связано с семантикой образа двуглавого орла в контексте указанного ветхозаветного текста.

Дело в том, что третья – средняя и самая большая – голова орла, о котором идет речь в 3-й книге Ездры, «внезапно исчезла» и «оставались две головы, которые... царствовали на земле и над ее обитателями» (3 Езд 11 33–34). Таким образом, орел Ездры мог изображаться с *невидимой* третьей головой: как двуглавый. Косвенно об этом свидетельствуют государственная печать самого Ивана IV, на которой присутствует одна большая корона *между* головами орла (Соболева 1991: 211), а также изображения восьмиконечного креста на голгофе, помещенного между двумя орлиными головами, на печатях Федора Ивановича (1585), Бориса Годунова (1602), Лжедмитрия I (1606), Василия Шуйского (1606) и Михаила Федоровича (1636) и, наконец, появление на этом месте на печатях Алексея Михайловича (1654 и 1672 гг.) большой третьей короны, которая

сохраняется и в более позднее время, иногда полностью замещая короны или венцы над двумя головами орла (Хорошкевич 1993: 37–39, 41, 43–44, 46–51).

Наконец, очевидно, что сам ветхозаветный образ трехглавого орла мог восприниматься неоднозначно (как и связанная с ним «теория» третьего царства). Мало того, даже в одной и той же социальной среде его интерпретация могла серьезно изменяться⁴⁹. «Промосковский» или, напротив, «антимосковский» характер этого символа не мог быть задан изначально (ср.: Опарина 1990). Его семантического наполнение должно исследоваться специально в каждом отдельно взятом случае.

Обращение к тексту 3-й книги Ездры представляется более продуктивным и логичным для истолкования изображений льва и двуглавого орла, украшавших Опричный дворец. Мало того, этот текст позволяет вплотную заняться вопросом о том, почему, скажем, все двуглавые орлы Опричного дворца были обращены грудью в сторону земщины, а лев – вовне и внутрь дворца...

Теперь обратимся к дате введения опричнины. Вряд ли она была случайной. По широко распространенным в первой половине XVI в. представлениям (о чем упоминает Юрганов), очередной – и, как считали, последней – потенциальной датой Конца Света должен был стать 7077 (1569) год (Юрганов 2003: 80). Однако ей должно было предшествовать «малое время», на которое устанавливается владычество дьявола: 3,5 года. Исходя из этого, дата введения опричнины также представляется вполне логичной и понятной: она учреждается ровно за три с половиной года до ожидающегося конца человеческой истории (что также выпало из рассуждений Юрганова).

Не менее любопытным представляется и то, что незадолго до начала опричных мероприятий, в 1549 или в 1550 г. в Москве появляется еще одно довольно странное сооружение: на Пожаре (Красной площади) возводится Лобное место⁵⁰. Назначение его неясно. Широко распространено мнение, что это было место казней, где рубили (или «складывали») «лбы» (головы), отчего оно и называлось Лобным. Обращается также внимание на то, что во многих актах Лобное место называется «Царским». Это принято

⁴⁹ Ср.: рассуждения по поводу трансформации содержания теории «Москва – третий Рим» (Лурье 1960: 457–459).

⁵⁰ Впервые упоминается в Книге Степенной царского родословия, процитированной «от слова до слова» Н. М. Карамзиным (Карамзин 1842: Прим. 182): «Повелѣ [Иван IV] собрати свое Государство изъ городовъ всякого чину. I въ день недѣльный изыде со кресты на Лобное место» (СГГД: 45). Впрочем, это сообщение было оспорено С. Ф. Платоновым: «Рассказ об обращении царя к народу на Лобном месте находится всего в одной лишь рукописи, в так называемой Степенной книге Андрея Хрушова, и составляет в ней позднейшую вставку, сочиненную в конце XVII века или начале XVIII-го, на основании некоторых литературных пособий. Это – вымысел, которому нельзя верить, потому что он произволен и даже не всегда искусен» (Платонов 1905: 10).

связывать с тем, что там устанавливали некое «царское место», с которого государь объявлял свою волю.

Однако в предлагаемом нами контексте это сооружение приобретает несколько иной смысл, который подтверждается источниками: «Есть же Голгофа мѣсто, идѣже распяты Господь, камень кругомъ высокъ, иже нарицается Голгофа, исподи же, подъ распятіемъ, идѣже есть глава Адамля, то нарицается Краніево мѣсто, иже есть Лобное...» (Хр 1512: 238). Соответственно, это место – место распятия Христа – могло называться «Царским», поскольку оно связано с Царем Славы⁵¹.

Примерно в это же время на подъезде к Москве появляется и еще один «иерусалимский» топоним: Поклонная гора, которая впервые упоминается в так называемой Хронике Быховца, написанной в XVI в. Связь этого топонима с иерусалимской Поклонной горой не вызывает сомнения.

Судя по всему, в преддверии грядущего Конца света Москва отстраивалась как столица последнего царства во главе которого стоял царь-помазанник, взявший на себя функции спасителя своих подданных.

Об этом свидетельствует и косвенная характеристика Ивана IV в летописном рассказе о поводе для развода Василия III и Соломонии Сабуровой, который появился во второй редакции 1547 г. Псковской I летописи (Погодинский список): «Того же лѣта [7031/1523] поеха князь великий, царь всея Роусии, в объездъ; бысть же шествовати емоу на колесницы позлащеннеи оруужницы с ним, яко же подобает царем; и възрѣвше на небо и видѣв гнездо птиче на древе, и сотвори плач и рыдание велико, в себѣ глаголюще: “Люте мнѣ, кому оуподоблюся аз; не оуподобихся ни ко птицам небесным, яко птицы небесныи плодови́ти суть, ни звѣрем земным, яко звѣри земныи плодови́ти суть, не оуподобихся аз никому же, ни водам, яко же воды сиа плодови́ти суть, волны бо их утѣшающа и рыбы их глумящися; и посмотри на землю и глаголя: Господи, не уподобихся аз ни земли сеи, яко и земля приносить плоды своя на всяко время, и ты благословять, Господи”. И приѣха князь великий тоя осени из объезда к Москве и начаша думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонеи» (ПЛ: 102–103).

Часто этот рассказ транслируется историками буквально (см., напр.: Соловьев 1855). Между тем, это – не что иное как перифраз апокрифического Протоевангелия Иакова: «И огорчилась очень Анна, но сняла свои одежды, украсила свою

⁵¹ Ср.: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Ин 19 19–22).

голову, надела одежды брачные и пошла в сад, гуляя около девятого часа, и увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: “Бог моих отцов, благослови меня и внимли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака. И, подняв глаза к небу, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: Горе мне, кто породил меня? Какое лоно произвело меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицам небесным, ибо и птицы небесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварям бессловесным, ибо и твари бессловесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и водам этим, ибо и воды приносят плоды у тебя, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приносит по поре плоды и благословляет тебя, Господи”» (ПИ: 149).

Ключом к пониманию смысла такого воспроизведения апокрифического текста в летописном рассказе служит ответ, который, согласно Протоевангелию Иакова, получила Анна: «И тогда предстал пред ней ангел Господней и сказал: “Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире”» (ПИ: 149). Речь идет о том, что Анна станет матерью Богородицы, а потомством ее будет Спаситель. Такое понимание рассказа Псковской I летописи подтверждает наши выводы, следующие из сопоставления ретроспективной информации, сохранившейся как в письменных, так и в материальных источниках XVI в., об идеологии, которая легла в основу опричных мероприятий Ивана IV.

Другими словами, летописец вполне определенно охарактеризовал сына Василия III как Спасителя, который устроил для своих подданных «своеобразное русское чистилище перед Страшным судом» (Юрганов 2003: 108). Когда же Иван IV убедился в том, что Господь не принял его претензию на роль Спасителя (что, в частности, выразилось в сожжении Опричного дворца отрядами Девлет-Гирея сразу по прошествии «последней» потенциальной даты Конца света), опричнина была отменена, а царь начал каяться в содеянном...

В таком контексте все составляющие опричнины – от момента ее введения до конкретных деталей и отмены – приобретают логику и последовательность. В то же время, проведенные наблюдения еще раз подтверждают, что только точное установление связей между вербальными и материальными текстами может стать залогом верификации подобных выводов.

Литература:

Алексеев 1999: Алексеев, А. А. Текстология славянской Библии. Санкт-Петербург, 1999.

Артамонов 1996: Артамонов, Ю. А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма. – В: Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI – XVIII вв.): Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). Москва, 1996.

Выготский Лурия 1993: Выготский, Л. С., Лурия, А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. Москва, 1993.

Гадамер 1988: Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Москва, 1988.

ЕБ: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Москва, 1993 [воспр.: 2-е изд., Санкт-Петербург, 1900].

Зимин 1964: Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного. Москва, 1964.

Изб 1073: Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. Москва, 1983.

ИЛ: Ипатьевская летопись. – В: Полное собрание русских летописей. Москва, 1998. Т. 2.

Карамзин 1842: Карамзин, Н. М. История государства Российского. Санкт-Петербург, 1842. Т. 8. Гл. 3.

Каштанов 1963: Каштанов, С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного. – В: История СССР. 1963. № 2.

Ключевский 1902: Ключевский, В. О. Боярская дума древней Руси. 3-е изд., пересм. Москва, 1902.

Кобрин 1985: Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.). Москва, 1985.

Курбский 1914: Курбский, А. М. История о великом князе Московском. – В: Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург, 1914. Т. 31: Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные.

Лурье 1960: Лурье, Я. С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV – первой половины XVI в. – В: Труды Отдела древнерусской литературы. Москва; Ленинград, 1960. Т. 16.

ОБ: Острожская Библия. Острог, 1581.

Опарина 1990: Опарина, Т. А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI – XVII вв. – В: Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.

ПЛ: Псковская I летопись: продолжение Погодинского списка. – В: Полное собрание русских летописей. Москва, 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи.

ПИ: История Иакова о рождении Марии. – В: Свенцицкая И. С. Апокрифические евангелия: Исследования, тексты, комментарии. Москва, 1996.

Платонов 1905: Платонов, С. Ф. К истории московских земских соборов. Санкт-Петербург, 1905.

СГГД: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Москва, 1819. Ч. 2.

Сендерович 2000: Сендерович, С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. – В: Из истории русской культуры. Москва, 2000. Т. 1: Древняя Русь.

СК: Книга Степенная царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф; изд. подг. под рук. Н. Н. Покровского. – В: Полное собрание русских летописей. Москва, 2008. Т. 21. Т. II: Степени XI – XVII. Приложения. Указатели.

Скрынников 1965: Скрынников, Р. Г. Опричина и последние удельные княжества на Руси. – В: Исторические записки. 1965. Т. 76.

Скрынников 1969: Скрынников, Р. Г. Опричный террор. Ленинград, 1969.

Соболева 1991: Соболева, Н. А. Русские печати. Москва, 1991.

Соловьев 1855: Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Москва, 1855. Т. 5.

Гл. 3.

Успенский 1998: Успенский, Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. Москва, 1998.

Хорошкевич 1993: Хорошкевич, А. Л. Символы русской государственности. Москва, 1993.

Хр 1512: Хронограф редакции 1512 г. – В: Полное собрание русских летописей. Москва, 2005. Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1.

Штаден 1925: Штаден, Г. О Москве Ивана Грозного. Москва, 1925.

Юрганов 1997: Юрганов, А. Л. Опричина и страшный суд. – В: Отечественная история. 1997. № 3.

Юрганов 1998: Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры. Москва, 1998.

Юрганов 2003: Юрганов, А. Л. Опричина и Страшный суд. – В: Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. Москва, 2003.

Freidhof 1972: Freidhof, G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudith, Sapientia und Makkabaer. Frankfurt am Main, 1972.

Stremoukhoff 1953: Stremoukhoff, D. Mouskou the Thirid Rome: Sources of the doctrine. – В: Speculum. 1953. XXVIII, Jan. 1.

Информация об авторе:

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, ординарный профессор, ведущий научный сотрудник Центра источниковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва).

E-mail: viddanin@mail.ru